

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

DOI 10.15826/izv1.2021.27.1.025

С. В. Мошкин

УДК 004.774.6 + 070.1:004.032.6 + 004.77:351.751.5

МЕДИААГРЕССИИ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Рец. на кн.: Коммуникативные агрессии XXI века / под ред. В. А. Сидорова. — СПб. : Алетей, 2019. — 254 с. — (Петербургская школа журналистики и МК).

Рецензируется коллективная монография «Коммуникативные агрессии XXI века», посвященная исследованию деструктивных проявлений коммуникативных агрессий в медиасфере, связанных с особенностями функционирования современных информационных технологий и, в частности, интернета. Рассматриваются предметное содержание книги, ее структура, оценивается авторское понимание коммуникативных агрессий, их признаков и деструктивных последствий. Акцентируется внимание на росте агрессивности в политическом дискурсе в силу распространения и общедоступности интернета. Высказывается суждение, что в поисках инструментов снижения коммуникативных агрессий в медиасфере авторам следовало бы рассмотреть и оценить формирующуюся практику цензуры в интернет-коммуникациях.

К л ю ч е в ы е с л о в а: средства массовой коммуникации; коммуникативные агрессии; политический дискурс; интернет-коммуникации

Стало тривиальным суждение, что мы, живущие в начале XXI в., являемся свидетелями коренного изменения функционирования медиасферы, где технологии массовых коммуникаций сломали привычную одностороннюю схему информирования аудитории: от институционально очерченного публикатора (издательство, редакция, журналист) к неопределенному кругу реципиентов. Вчерашний безликий потребитель информации сегодня активно вторгается в медиасреду и посредством интернета сам становится генератором публичной информации. Особенно это заметно в сфере политики. Если раньше между

МОШКИН Сергей Вячеславович — доктор политических наук, доцент, старший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург. ORCID: 0000-0003-4541-9609 (e-mail: osa-sv@yandex.ru).

© Мошкин С. В., 2021

политиком и массовым избирателем стояла некая интеллектуальная прослойка в виде традиционных СМИ — публикаторов, в которых редакторы решали, как именно политики через них будет общаться с избирателем, то сегодня избирателю, чтобы высказать свое ответное мнение на меседж политика, не нужны ни редакция газеты, ни даже сам политик, потому что в новой медиареальности любой человек имеет возможность опубликовать любые свои мысли и быть услышанным большой аудиторией. То есть посредник в виде публикатора, в виде профессиональной корпорации журналистов традиционных СМИ перестает быть нужным. В каком-то смысле это возвращение в античность, когда все граждане могли высказаться напрямую и быть услышаны. Интернет общедоступный, скоростной, широкополосный создал глобальную Агору.

Традиционные СМИ, в силу политической ангажированности и профессиональных стандартов, существенно ограничивали возможность большинству социума публично высказываться о политическом. С приходом интернета в каждый дом эти ограничения сняты, молчащее прежде, но не молчаливое большинство получило такую возможность, и инстинкты толпы неизбежно хлынули в медиасферу, неся с собой конфликтность, радикализм и агрессию. И здесь выяснилось, что сдерживать человеческий негатив в интернет-медиа попросту некому: новый медийный этос не сформирован; интеллектуальная элита, чья задача задавать культурные и этические стандарты поведения, сама оказалась вовлеченной в бесконечные медиавойны, где каждый по-своему прав и непреклонен. Да и СМИ в их традиционном виде перестали существовать, утратив способность и желание давать объективную оценку событий, в борьбе за аудиторию они не прочь исказить факты или представить их ложную интерпретацию в угоду настроениям толпы и политической конъюнктуре.

Собственно, этим процессам, происходящим в современных массмедиа, посвящена коллективная монография «Коммуникативные агрессии XXI века», вышедшая в свет в 2019 г. в издательстве «Алетейя» (Санкт-Петербург). Эта книга — плод усилий международной команды исследователей из Польши, России и Сербии, нацеленных на изучение всевозрастающей агрессии в медиасреде, связанной, по мнению авторов, главным образом с особенностями функционирования современных информационных технологий и, в частности, интернет-среды. Монография вышла в серии «Петербургская школа журналистики и массовых коммуникаций», имеющей добрую и заслуженную репутацию среди специалистов. Книга будет интересна не только исследователям массовых коммуникаций и журналистики, но и представителям других профессий социально-гуманитарного профиля.

Как пишут сами авторы книги в ее вводной части, «...сегодня исследования медиа поставили под пристальное внимание эффекты массовой коммуникации, которые выражаются в стимулировании агрессивных потенциалов ее аудитории. <...> Однако вне пределов внимания ученых осталась связь функционирования агрессивного дискурса и включения в него всех страт общества на основе новейших медийных технологий» (с. 7–8). Заполнить этот пробел и призвана настоящая монография. При этом сверхзадача исследования, по словам авторов, не ограничивается удовлетворением интереса к теневой стороне медийной жизни

общества, их посыл вызван иными побуждениями, а именно пониманием того, что «изучение негативных проявлений в жизнедеятельности массовых коммуникаций позволит оздоровить медийную практику в целом, что, в свою очередь, способно оказать позитивное воздействие на политические, этнокультурные практики, сегодня особенно важные...» (с. 15).

Под коммуникативными агрессиями авторы понимают «нанесение оппоненту идейно-политического и культурно-нравственного ущерба по медийным каналам» (с. 8) и отмечают, что коммуникативные агрессии деструктивны сами по себе, они сопровождаются:

«— неуправляемой динамикой негативных реакций массовой аудитории на медиасобытия;

— тотальной активизацией межличностных коммуникаций сетевой среды;

— агрессивной коннотацией ценностных символов-раздражителей;

— потенциальной возможностью переноса агрессии из медийной среды в физическое пространство социума» (с. 12).

С нескрываемым сожалением исследователи отмечают, что к наращиванию агрессивной риторики сегодня прибегают все участники коммуникативных процессов в медиасфере, вне зависимости от политической позиции. Но это не значит, что авторы предлагают коммуникативные агрессии воспринимать индифферентно, считая их некой нормой медийной жизни. Такой подход они не приемлют, настаивая на позиции, что «высшей ценностью гуманистически ориентированных коммуникационных процессов является человек, его правдивое, неискаженное восприятие картины мира и свободное выражение им своего мнения, чему всегда препятствуют медийные деструкции» (с. 16).

Структурно монография состоит из двух разделов. Главной задачей первого раздела стало установление генезиса и условий проявления коммуникативных агрессий. В его основу легли статьи, обобщающие результаты масштабного исследовательского проекта по изучению деструктивных явлений в медиа и их восприятию студенческой аудиторией так называемого «славянского треугольника» — Польши, России и Сербии. Эмпирической базой проекта стало анкетирование студентов Санкт-Петербургского государственного университета, Университета имени Адама Мицкевича в Познани и Белградского университета, выбравших профессии журналистов и политологов. Анализ их представлений об агрессивности медиа позволил по-новому оценить конфликт в межкультурной информационной среде социумов, в частности, в контексте взаимоотношений России и Польши, Сербии и Европейского союза.

Второй раздел книги географически выходит за пределы «славянского треугольника». Здесь коммуникативные агрессии рассматриваются авторами статей как импульсивные динамические феномены, триггерами которых становятся «внезапно» возникающие политические ситуации. Это позволяет расширить наше знание о природе коммуникативных агрессий, в частности — о фазах деструкций в массовых коммуникациях.

Что же способствует росту агрессии в медийной среде? Польские исследователи В. Новяк и П. Павелчик связывают это с особенностями функционирования

интернета как такового. «Этот новый медиум, — пишут они, — со всей силой обнажил сидящую в человеческих существах жажду подглядывания, агрессивно критического комментирования и эксгибиционизма — обнажения себя. Сидящие в индивидах комплексы, расстройства, травмы и общественные недостатки нашли новый выход в их анонимном, публичном изъявлении. <...> Индивид способен нести в интернет, и несет в него, негативизм, ненависть, агрессию» (с. 70–71).

Ученые из Сербии В. Кляйч и М. Неделькович, в свою очередь, отмечают кризис самой журналистской профессии, подрыв ее институциональных основ, девальвацию профессиональных стандартов, норм и этических принципов, что неизбежно ведет к снижению качества журналистских материалов, к сенсационности и таблоидности в их подаче. К тому же «традиционную стратегию финансирования профессиональной журналистики, основанную не классическом предоставлении информации, основательно пошатнула экспансия интернета», отмечают они (с. 120). В погоне за новыми моделями заработка традиционные издания все активней включаются в мировую паутину посредством своих интернет-версий и, как следствие, начинают играть на информационном поле по правилам интернет-среды с присущей ей пониженной социальной ответственностью. Но если профессиональная журналистика еще в состоянии контролировать степень агрессивности своих материалов, вторит сербам российский автор Р. Г. Иванян, то обсуждение этих материалов в интернет-дискуссиях для издателей — процесс абсолютно неуправляемый. Негативные установки, оскорбления, обвинения и угрозы становятся здесь неотъемлемой частью полемики. «Журналистика становится бессильной, когда дискуссия выходит за установленные ею рамки, как в тематическом плане, так и пространственном, — констатирует Иванян. — Именно эта черта в наибольшей степени характеризует место и роль журналистики в современном мире» (с. 213).

Немалую роль в развязывании коммуникативных агрессий, отмечают исследователи, играет сама государственная власть посредством разнообразных институтов политической пропаганды. Коммуникативные агрессии со стороны государственных СМИ в отношении реальных и мнимых политических оппонентов характеризуются однонаправленностью и ярко выраженным желанием нанести им максимальный репутационный вред. В этом случае информационные агрессии «применяются с учетом технологий и инструментария пропаганды, что делает их особенно травмирующими», а журналисты таких СМИ уподобляются агентам спецслужб, задача которых найти и разоблачить врага (с. 200). Это особенно характерно для частично свободных стран, таких как Россия и Сербия, в которых СМИ испытывают серьезное давление со стороны государства, а уровень свободы средств массовой информации не соответствует демократическим стандартам.

Что касается собственно российских медиа, то наблюдения авторов здесь весьма неутешительны. «Наш прогноз, — пишут участники проекта И. А. Быков и И. А. Гладченко, — сводится к тому, что использование коммуникативной агрессии в политическом дискурсе современной России продолжится» (с. 38). И далее совсем уж тревожное заключение: «С высокой степенью вероятности можно утверждать, что дальнейшее усиление коммуникативной агрессии в политическом

дискурсе России может привести к потере управляемости обществом» (с. 37). Однако как противостоять всему этому, авторы коллективной монографии не говорят, рецептов попросту нет. Сложно ожидать от журналистов, чтобы они соблюдали профессиональные стандарты и правила, этические принципы и кодексы профессионального поведения, когда серьезно подорвано само доверие к СМИ и журналистской профессии. Участникам исследовательского проекта остается лишь предостерегать достойных журналистов от возможности невольного провоцирования агрессии в медиасфере и уповать на то, что в обществе наблюдается определенная усталость от коммуникативной агрессии и что «складывается запрос на некоторую “нормализацию” политической повестки» (с. 37).

При этом крайне важная тема попыток нормализации общения и снижения агрессии в интернет-среде осталась без внимания авторского коллектива. Речь идет о практике некоторых социальных сетей цензурировать личные посты и сообщения пользователей. По сути, мы говорим об ограничении свободы слова — на этот раз в интернете. Сегодня «Фейсбук» имеет 2,5 млрд пользователей, «Инстаграм» — более 1 млрд, «Твиттер» — 330 млн, а число подписчиков на популярных блогеров и знаменитостей исчисляется десятками миллионов. Новые коммуникационные ресурсы превратились из площадок межличностного общения в серьезные средства массовой информации. Такая ситуация привела к тому, что социальные интернет-сети стали использоваться для политической мобилизации, причем хорошо известно, что для этого применяются фейковые аккаунты, а распространяемая информация порой не соответствует действительности. Естественно, с подобными политическими провокациями стоит бороться, однако такая борьба, похоже, привела в противоположном эксцессам, и прежде всего к «фильтрации» информации, исходящей от реальных людей, имеющих право на собственное мнение. Их суждения стали произвольно оцениваться работниками (эту работу все чаще стали выполнять роботы) самих информационных гигантов. Яркий пример тому — последние президентские выборы в США осенью 2020 г. Наблюдая за ходом кампании, мы, в частности, стали свидетелями фактического запрета на распространение статьи авторитетной *New York Post* об одном из участников президентской гонки со стороны «Фейсбука» и «Твиттера», блокировки «Твиттером» официального аккаунта чиновника высокого уровня из-за его поста о строительстве стены на американо-мексиканской границе; и даже ликвидации «Фейсбуком» целой группы «Женщины штата Нью-Джерси за Трампа». Более того, после завершения голосования почти половина постов Д. Трампа в «Твиттере» сопровождалась комментариями администраторов, в которых указывалось на сомнительность информации, размещенной в сети действующим еще на тот момент президентом. Здесь надо упомянуть и о попытках «Твиттера» вообще скрыть посты Трампа по той же причине. Ссылаясь на масштабный рост дезинформации о выборах, вслед за «Твиттером» и «Фейсбуком» о дополнительных мерах по борьбе с ложными сведениями объявили «Инстаграм» и YouTube.

Стоит ли сомневаться, что владельцы и администраторы социальных сетей в данном случае руководствовались благими намерениями. Они наверняка искренне хотели оградить политизированную публику от информационных

провокаций и тем самым снизить градус агрессивности предвыборной гонки и уберечь общество от окончательного политического раскола. Но можно ли ради этого, пусть даже самого благого намерения, жертвовать принципом свободы слова и самовыражения? Можно ли во имя преодоления деструктивных последствий коммуникативных агрессий применять в медиасфере инструменты цензуры? Это серьезные вопросы, на которые нет, да, наверное, и не может быть однозначных ответов. А значит, нужна широкая общественная дискуссия и научное осмысление появившейся практики цензурирования интернета. И свое весомое слово в этой дискуссии должны сказать представители петербургской школы журналистики и массовых коммуникаций.

Рецензия поступила в редакцию 24.11.2020 г.